

Крестьянские восстания 1918 г. в уездах Мордовии

Имя П.С. Кабытова широко известно российским и западным исследователям истории Гражданской войны. Достаточно назвать работы последних лет, в которых предлагается принципиально новый подход к региональной истории начальных этапов советской власти¹. Ряд высказанных в них идей позволяют по-новому взглянуть на средневожскую действительность 1917–1920 гг., в том числе и в уездах Мордовии.

Для конца 1917 – начала 1918 гг. характерно явное успокоение деревни мордовского края, да и Среднего Поволжья в целом. В советской историографии оно интерпретировалось как победа аграрной политики большевиков, включивших ее в свой миф о едином Великом Октябре². Между тем крестьянство имело о большевиках довольно смутное представление. Стоит, по всей видимости, согласиться с казанским историком Д.И. Люкшиным, утверждавшим, что «основная причина спада волны крестьянских выступлений в 1918 году заключалась не в фактическом признании крестьянами новой власти (в уездах продолжали существовать различные Комитеты и Управы, созданные еще Временным правительством), а в том, что общинная революция завершилась еще до прихода большевиков к власти, поэтому никаких особых претензий к новому правительству у крестьян первоначально не было. Тем более что последнее, не имея возможности повлиять на ход событий в аграрном секторе, вынуждено было просто “отпустить вожжи в деревне”. Вкупе с традиционным крестьянским безразличием к персональному составу высших эшелонов власти, это и послужило достаточным основанием для прекращения насилия в деревне»³.

В январе – марте 1918 г. выступления крестьян в уездах Мордовии имели спорадический характер. Среди них преобладали действия, направленные на раздел остатков еще не поделенного и не разграбленного помещичьего и церковного имущества. Так, 14 января крестьяне с. Сузелятки Краснослободского уезда приехали в монастырь с вилами и топорами; взяли все имущество с хутора, разграбили запасы картофеля⁴. 18 января крестьяне того же уезда разорили хутор Троицкого монастыря. Из жилых домов выламывали косяки, разбирали и увозили надворные постройки, самовольно рубили лес⁵. 14 февраля крестьяне с. Мамашино Краснослободского уезда разгромили хутор Александро-Невского монастыря⁶. 12 апреля крестьяне нескольких сел Саранского уезда отобрали у Кирилловского монастыря 12 лошадей, 17 коров и заявили, что на днях заберут весь инвентарь и постройки скотного двора, мель-

---

* © Юрченков В.А., 2011

ницу и т. д.⁷ 25 января крестьяне с. Агеево Краснослободского уезда захватили близлежащие помещичьи земли и поделили между собой имевшийся в имении скот, птицу, лошадей⁸.

Однако уже в феврале 1918 г. были зафиксированы первые столкновения на почве попыток реквизиции хлеба у крестьян. Так, в феврале крестьяне с. Старое Погорелово Корсунского уезда Симбирской губернии прогнали из села активистов-бедняков, попытавшихся отобрать у односельчан излишки хлеба. По решению уездного совета в село был направлен вооруженный отряд, с помощью которого сопротивление крестьян было сломлено и хлеб был реквизирован⁹. 1 марта крестьяне Саранского уезда Пензенской губернии («стольпинские отрубники») оказали сопротивление ревизии хлеба¹⁰. 8 апреля при реквизиции хлебных запасов в с. Большой Азясь и д. Бранчеевка в Краснослободском уезде Пензенской губернии произошло столкновение между крестьянами и воинским отрядом уисполкома, один красноармеец и двое крестьян убиты¹¹.

Именно первые хлебные реквизиции породили крестьянские выступления, выходящие за пределы одного села. В марте 1918 г. крестьянами Ардатовского и Корсунского уездов Симбирской губернии были разогнаны советы в Кайбичевской, Медаевской, Шугуровской, Тазинской, Атяшевской, Чамзинской волостях¹². В том же марте в Ардатовском уезде удалось предотвратить мятеж в селе Старое Качелаево Больше-Игнатовской волости, подготовленный неким Леонтьевым. Руководители подготавливаемого выступления были арестованы¹³. 16 апреля крестьяне нескольких сел Краснослободского уезда Пензенской губернии подняли восстание и разогнали советы. Уездный исполком прислал отряд, потребовавший выдачу зачинщиков¹⁴.

Особенностью крестьянского движения в начале 1918 г. является его локальность, в большинстве случаев – ограниченность рамками одного селения. Преобладают выступления на почве недовольства действиями местных активистов советской властью, которые пытались заставить зажиточную часть деревни «поделиться» своими продовольственными запасами с голодающей беднотой, а также связанные с решением общих для селения проблем. Масштабы насилия ограничены небольшим числом жертв противоборствующих сторон, в выступлениях основными активно действующими лицами становятся зажиточные крестьяне, которым было что терять.

Среди показательных выступлений на территории уездов Мордовии для этого времени можно отметить конфликт, произошедший 17 апреля 1918 г. в с. Гумны Краснослободского уезда Пензенской губернии на почве реквизиции хлеба. 16 апреля в селе состоялся сход, на котором был вынесен приговор об отказе произвести учет и реквизировать хлеб прибывшему продовольственному отряду. Было вынесено решение о непризнании советской власти. Отряд из 20 красногвардейцев вынуж-

ден был отступить. Для подавления волнения властью дополнительно в село было вызвано 10 человек с пулеметом¹⁵. 26 апреля в с. Бутырки Симбирской губернии подвергся нападению продотряд Ардатовского уисполкома¹⁶. 27 мая в с. Найман Симбирской губернии крестьяне напали на тот же продотряд¹⁷. В мае в с. Ичалки и с. Атаманки Лукояновского уезда Нижегородской губернии крестьянами захвачено несколько сот голов скота, принадлежащего Нижегородскому губпродкому. При попытке уездных органов конфисковать скот было оказано вооруженное сопротивление¹⁸.

Уже весной 1918 г. крестьянские выступления стали характеризоваться ожесточением и наличием жертв. Показательно выступление крестьян с. Атюрьево Темниковского уезда Тамбовской губернии. 29 мая из Темникова в Тамбов направлен отряд в 100 человек, командирами которого были назначены член уисполкома Т.П. Бараев и И. Михайлов. В Атюрьево на него было совершено нападение, в ходе которого были убиты Т.П. Бараев и красноармеец¹⁹. А.Г. Пономарев, служивший в 1918 г. военкомом Темниковского уезда, вспоминал: «Михайлову и Бараеву было дано указание — не останавливаться в Атюрьево и избегать с населением всяких конфликтов. Отряд выступил в поход и, дойдя до села Новочадово, 16 мая остановился на отдых. Командир отряда Михайлов и член уисполкома Бараев верхом на лошадях поехали в Атюрьево, чтобы предупредить власти Атюрьевской волости о прохождении отряда. В то время, когда Михайлов и Бараев подъезжали к церкви, оттуда выходила большая масса граждан Атюрьевской волости. (В этот день был религиозный праздник.) Увидев двух всадников, граждане (среди них было несколько кулаков) окружили их и, узнав, что они из Темникова и за ними следует отряд, который пройдет через их село, набросились на Михайлова и Бараева. Толпа стащила обоих с лошадей и стала избивать. Им выкололи глаза, нанесли множество ножевых ран, переломали руки и ноги и еще с признаками жизни отвезли в овраг и там закопали в песок»²⁰. Получив известие о выступлении, Темниковский уисполком принял решение немедленно отправить в Атюрьево отряд кавалерии с пулеметами под командованием комиссара по борьбе с контрреволюцией, которому придать в помощь всех членов уисполкома.

А.Г. Пономарев вспоминал: «В Новочадово приехали к вечеру того же дня. Решили атаковать Атюрьево ночью, ближе к рассвету. Из полученных от разведки данных установили, что атюрьевцы готовятся к сопротивлению. Часа в 2 ночи выступил первым отряд пехоты, которым командовал я, за ним 2 пулемета на тачанках, а затем кавалеристы.

Впереди отряда пехоты была послана разведка, с которой пошел и я. Подойдя к Тараканьим Выселкам, что находятся в полутора километрах от Атюрьева, разведка встретила мужика с дубиной на плече. А когда его спросили, что он здесь делает, тот ответил: “Когда будут идти большевики, я должен бежать к Атюрьево и сообщить охранению, выставлен-

ному у околицы Татарской Велязьмы”. Разведчики стали ползком продвигаться вперед к Татарской Велязьме.

Вдруг со стороны Велязьмы раздались выстрелы. Разведка в боевом порядке продолжала ползти вперед. На выстрелы мы не отвечали, так как стремились захватить противника живьем. Вслед за выстрелами раздался звон колокола. Это на колокольне села Атюрьева зазвонили в набат. Было ясно, что это сигнал к сбору для всей волости, а не только для села. И действительно, стало видно, как около церкви начали собираться люди. Толпа все росла и росла. Выстрелы со стороны Велязьмы прекратились. Разведка обнаружила на околице Велязьмы окопы.

Я отдал приказ: пехотному отряду охватить Атюрьево с правой и левой стороны, занять дороги и никого не пропускать ни в село, ни из села. В случае сопротивления открывать огонь.

В задачу отряда конницы входило: толпу близ церкви разогнать, применив оружие в случае сопротивления, а затем занять дороги, ведущие в село. Никого из Атюрьева не выпускать, а приезжающих задерживать.

После того как пулеметы открыли огонь, толпа спряталась по другую сторону церкви, а затем стала разбегаться. Прекратился колокольный звон. Бунтовщики стали разбегаться по огородам, чтобы убежать за пределы села, но их встречали пехотинцы и стрельбой вверх заставляли вернуться в село.

В этот момент в селе возник пожар. Это кулаки подожгли магазин и еще один общественный дом. Через некоторое время силами красноармейцев пожар потушили. По всему селу наступила тишина, которую нарушал лишь топот лошадей кавалеристов. Атюрьевские жители показали, где зарыты трупы замученных руководителей отряда. Трупы вынули, уложили на тачанки и увезли в Новочадово. В это время по селу Атюрьеву проходил розыск организаторов расправы над посланцами народа, но все поиски были тщетны, так как злодеи еще ночью выехали из села Атюрьева и бесследно исчезли»²¹.

Анализ ситуации свидетельствует, что крестьянское выступление не было стихийным. Прибытие отряда в село послужило лишь толчком, поводом для выступления. Само же крестьянское сопротивление носило элемент организации. Крестьяне выделили охранение, были вырыты окопы, продумана система извещения о приближении красноармейцев и т. п.

К осени 1918 г. крестьянские движения приобретают большую ожесточенность, деревня выступает единым фронтом в защиту общих интересов. Характерным было выступление в с. Яковщина Рузаевского уезда, произошедшее в Знаменском женском монастыре 4–5 сентября 1918 г. 4 сентября Рузаевская УЧК получила сведения о том, что «недалеко от Рузаевки, верстах в четырнадцати, в женском монастыре, свито контрреволюционное гнездо, и оттуда по деревням ведется контрреволюционная, черносотенная пропаганда»²², а, по некоторым сведениям, «кула-

ки с помощью монахинь ведут разнузданную антисоветскую агитацию, готовят вооруженный мятеж»²³.

Ситуация в селении накалялась начиная с 1917 г., когда в конце октября монастырь подвергся нападению и разграблению со стороны местных крестьян, но настоящей трагедией стали события осени 1918 г. Еженедельник ВЧК, описывая ситуацию в Рузаевском уезде, отмечал: «Местность... характерна именно тем, что в ней кишмя кишели англо-французские шпионы и кулачество представляло из себя элемент, живейше поддерживающий эту чехословацкую авантюру»²⁴. Руководством Рузаевской УЧК в с. Яковщина в срочном порядке для того, чтобы «проверить живущих в монастыре и в случае надобности произвести аресты»²⁵, направляется небольшой отряд, состоящий из 6 человек: сотрудники ЧК Шкуропатов, П.И. Путилова и 4 красногвардейца. Жительница Яковщины А.П. Левина вспоминала: «Хорошо помню день приезда П.И. Путиловой. Это было в начале сентября 1918 г. Крестьяне от мала до велика были на токах, занимались молотьбой ржи. Перед вечером мимо игумена на двух подводах проехали четыре красноармейца без винтовок и молодая женщина в черном костюме»²⁶. Вечером этого же дня в монастыре был произведен обыск, по непонятным причинам (скорее всего, не нашли подтверждения поступившей информации) отряд остался ночевать здесь же, чем подтвердил возникшее опасение у жителей села: «... Якобы приехали продармейцы во главе с женщиной-комиссаром, чтобы забрать весь хлеб тружеников села»²⁷.

Становятся очевидными вопросы, волновавшие людей, причины, толкнувшие на открытое выступление. Согласно официальной версии: «В течение ночи антисоветски настроенные обитатели монастыря сумели оповестить деревенских кулаков о прибытии красноармейцев. Вся контрреволюционная нечисть под утро собралась на дворе монастыря. На рассвете они незаметно окружили четырех красноармейцев тесным кольцом и начали их зверски избивать. Увидев это подлое нападение, Паша бросилась к толпе. Она считала, что еще можно остановить кровопролитие, что можно словами подействовать на белобандитов, образумить их. Пока она говорила, на нее напали сзади, ударом по голове сбили с ног, а затем зверски растерзали ее тело. Шкуропатову и четверем красноармейцам к этому времени удалось вырваться из кольца и спастись от смерти. Это случилось утром 5 сентября 1918 года»²⁸.

На самом же деле, на наш взгляд, события разворачивались по-иному. Рано утром 5 сентября был собран сход крестьян, который решил отказать продотряду в хлебной разверстке и не выдавать хлеб. Вооружившись вилами и кольями, крестьяне двинулись к монастырским воротам. «От монастырских ворот стеной валила бушующая толпа по направлению особняка барыни и монастырской церкви... Кулаки... с кольями в руках стали наступать на безоружных красноармейцев, которые дрогнули и разбежались»²⁹. Люди не стали долго думать. П.И. Путилова

осталась один на один с разгневанными крестьянами, считавшими, что их пришли грабить. «Горшков Андрей сильным ударом чем-то тяжелым по голове сбил с ног П.И. Путилову. После этого женщину-большевичку, лежавшую без сознания, озверевшие кулаки били чем попало: кольями, камнями, раздирали на ней одежду, в окровавленный рот толкали палки. Большинство крестьян стояли в стороне и смотрели на жестокую расправу с беззащитной женщиной»³⁰.

В ходе описания произошедших событий А.П. Левина ни разу не упомянула о принимавших участие в трагедии «скрывавшихся в стенах монастыря белых офицерах», о которых после стали писать почти все исследователи. Не упоминалось и о непосредственном участии монахинь в избиении и убийстве П.И. Путиловой. Но уже через несколько часов в село и монастырь из Рузаевки прибыли вооруженные красноармейцы, которые за убийство крестьянами П.И. Путиловой расстреляли 5 человек, в том числе двух монашек, 300 человек взяли в заложники. На село была наложена контрибуция в размере 50000 руб.³¹

Осенью 1918 г. деревню Мордовии охватывают крестьянские волнения на почве недовольства введенным большевиками чрезвычайным революционным налогом. Его раскладка и взимание были возложены на комитеты бедноты и местные советы, перед которыми ставилась задача основную тяжесть налога взysкать с зажиточных слоев деревни. На практике это вылилось в полный произвол властей над крестьянством.

Наиболее известным из крестьянских выступлений 1918 г. на территории Мордовии было восстание крестьян сел Лада и Пятина Саранского уезда, произошедшее 14–16 ноября 1918 г. Центром восстания было с. Лада, по воспоминаниям ее уроженца, известного российского социолога И.В. Бестужева-Лады, в первое десятилетие советской власти «это было огромное волостное торговое русское село, протянувшееся версты на три вдоль Ладки и Инсарки. Да еще несколькими “порядками”. Да еще с несколькими вплотную прилегающими к селу деревнями. Тysяч под десяток населения, если не больше... Ежедневный “людоворот” огромного базара. В моем детском представлении намного превосходящего масштабами сегодняшние московские Лужники с их тысячными толпами. Огромный храм – в моем детском представлении как сегодняшний храм Христа Спасителя в Москве. С потрясающей детское воображение красной лампадкой над гробом с очень маленьким мертвецом – мощами. С таинственным неземным запахом ладана, который сегодня мгновенно переносит меня в Ладу тех лет. А над храмом высоко на холме – сельское кладбище... С кладбища спускаешься к церкви дорогой мимо старого двухэтажного деревянного помещичьего дома. Нечто вроде большой подмосковной дачи дореволюционных времен, куда меня водили в детсад и в Москве, и в Ладе. А на другом конце площади – кирпичное «городское» здание почты и двухэтажные кирпичные палаты нескольких местных богачей, приспособленные к тому времени под

аптеку, под больницу, под волостное правление и т. д. И сотни изб, в моем детском представлении — одна краше другой. Некоторые уже не под соломой, а под железом (в том числе и бестужевская). В некоторых горницы меблированы “по-городскому”, пол покрашен, и не надо его выскабливать с золой, заменяющей мыло, ножами по субботам, как самолично пытался помогать бабушке. Везде — печки, печурки, подтопки. Не довелось увидеть ни одной избы, топящейся “по-черному”, с каменным очагом вместо печки на земляном полу вместо деревянного, с дырой в потолке для дыма вместо трубы, со стеклами в окнах вместо прорезей в срубе, затыкавшихся зимой, для тепла, тряпьем... За каждой избой огромный — сотки на две-три — двор с коношней, коровником, загоном для овец, загоном для коз, загоном для свиней, с сеновалом, где гнездились десятки кур и уток, с сараями, амбаром, погребом — целый агрокомбинат! За двором — колодезь, баня и огород соток на тридцать с длинными грядками картошки и всевозможных овощей, с зарослями смородины и малины. За огородом — сад еще соток на тридцать с яблонями, сливами, вишнями. Наконец, за садом — еще такой же величины поле, засевавшееся то просом, то коноплей (сырьем для домотканой одежды; о том, что это сильнейший наркотик, никто не подозревал). И по краю всего этого великолепия сразу за баней — снова амбары, снова сеновалы. А перед избой, через дорогу — еще один огород, поменьше, на самом берегу Ладки. Тоже с амбаром, погребом, сеновалом и “подвалом” — землянкой, обложенной кирпичом, где хранились сундуки с парадной одеждой и летом ночевали молодожены (включая со временем и меня самого).

И такое раздолье — за и перед каждой избой. Целый гектар, который сегодня дается под дачу не каждому генералу или министру, который по карману не каждому «новому русскому»! И это не у какого-то богатея (у того имение было покруче), а самого обычного середняка, составлявшего большинство населения в каждой русской деревне. Хотя, конечно, были семьи и победнее... Заметим, что все описанное было только приусадебным участком. Далее шло несколько гектаров поля (смотря по числу “душ” семьи), с которого получался основной прокорм...»³².

Зажиточное ладское крестьянство враждебно встретило продовольственную политику большевиков. Привыкшее уже самостоятельно распоряжаться продуктами своего труда, оно отнюдь не было в восторге от практики заготовки хлеба посредством реквизиций. 13 ноября 1918 г. в с. Ладу прибыл Владимирский продовольственный отряд во главе с П.С. Семеновым и А.Я. Лусс для изъятия излишков хлеба у кулаков и обложения их чрезвычайным налогом. По прибытии в село было «проведено заседание в Совете под руководством тов. Лусс и Семенова, на котором после бурных прений было решено завтра, 14 ноября в 12 часов дня, представить списки излишков хлеба и приступить к вывозу на сыпной пункт. Председатель Совета (Бурмистров. — авт.) с этим со-

гласен не был»³³. Он говорил о том, что совет хотел самостоятельно раздать хлеб бедным, однако в конечном итоге был вынужден согласиться с принятым решением. О принятом решении было сообщено крестьянам.

«Утром, 14 ноября, по звуку набата крестьяне стали собираться около церкви на сход, куда собирались не только жители Лады, но и крестьяне окрестных деревень. Толпа, размахивая вилами, косами и цепами, двинулась к дому, в котором расположились продармейцы А. Лусс и П. Семенов. Лусс вышла на крыльцо и стала что-то говорить. Толпа стала кричать: “Бей ее, давай ее сюда!” — и двинулась к крыльцу. Лусс хотела войти в комнату и запереть за собой дверь, но в доме уже были крестьяне, часть зашла с другого хода. Семенов тоже был тут и старался уговорить толпу. Лусс, думая оборониться, выстрелила и ранила одного крестьянина в ногу. Толпа все больше напирала, Лусс и Семенов были вытащены из дома, и толпа учинила над ними самосуд... Продармейцы побежали за оружием, но их отрезали, некоторые продармейцы бросились в воду, но их оттуда ловили и убивали, некоторым вязали руки и ноги, а остальных убивали кольями»³⁴. В результате волнения было убито 8 человек: А.Я. Лусс — сотрудница «Известий ВЦИК», агитатор, П.С. Семенов — продкомиссар, П.Н. Лукин, Д.И. Зотов, И.А. Крупнов, И.В. Сазонов, П.Е. Трушин, И.С. Максимов — продармейцы. Все трупы изуродованы, больше всех — тела А.Я. Лусс и П.С. Семенова. «Тела убитых пинали, истязали кольями и мотыгами, кололи вилами, а в довершение натыкали в них палок и веток»³⁵. Пять продармейцев были ранены: два — тяжело, трое — легко, некоторые успели скрыться.

И.В. Бестужев-Лада в воспоминаниях приводит сведения, рисующие несколько иную картину, которая, по всей видимости, бытовала среди крестьян села: «К ежегодному повальному грабежу со стороны “красных” успели привыкнуть, но ненависть к грабителям, естественно, нарастала. На сей раз роль искры сыграла самая обыкновенная провокация.

Комиссаром отряда была женщина. Прямо как в “Оптимистической трагедии” Вс. Вишневского, которая в свое время трогала до слез, а сегодня вызвала бы у молодежи только смех. Она вместе с командиром остановилась на ночлег в доме попа и не нашла лучшего развлечения вечером, как начать музицировать на поповском рояле. Кто-то пустил слух, что попа раздели догола и заставляют плясать под музыку. А ожесточение ограбленных крестьян и без того было на точке кипения. Миг — и толпа с вилами наперевес ринулась на грабителей...»³⁶

После известия, полученного председателем Саранского УЧК Л.Ф. Щербинским по прямому проводу из с. Лада от заведующего почтой Максимова, который сообщил, что «крестьяне бьют продармейцев»³⁷, были собраны значительные вооруженные силы: отряд продколлегии — 150 чел.; отряд УЧК — 11 чел.; отряд мобилизационного отдела

1-й армии Восточного фронта — 10 чел. — и отправлены для подавления восстания. По пути следования к этому сборному отряду присоединился отряд Тимирязевского узла — 40 чел. с пулеметами. При приближении к с. Лада отряды разделились и, окружив село, вошли в него. Позже, описывая проведение карательной операции, Л.Ф. Щербинский отмечает ее организованность: «...Уже вечером отряд быстро окружил село и после небольшой перестрелки вступил в него»³⁸. «По пути в Совет арестовывали попадавших. ... Лада была объявлена на осадном положении и потребована сдача оружия в течение 12 часов, брались заложники из каждого 10 двора, что происходило всю ночь»³⁹. В конечном итоге 24 крестьянина были взяты в заложники, 12 чел. виновных, в том числе одна женщина, — расстреляно, на крестьян села наложена контрибуция (включая расстрелянных) в размере 250000 руб. В Ладе совет был заменен военно-революционным комитетом из семи человек⁴⁰.

15 ноября, ночью, поступило сообщение о готовящемся восстании в с. Пятина, «чтобы идти на помощь Ладе»⁴¹. В Пятину, 16 ноября в 5 часов утра, был послан отряд, состоявший из сотрудников уездной милиции и роты особого назначения, всего — 45 чел., который по пути следования соединился с несколькими отрядами в с. Ромоданово и 17 ноября утром окружил Пятину, где «предполагаемое восстание было ликвидировано... арестовано 180 чел., в том числе волостной Совет и волостной комитет бедноты»⁴².

После расследования случившегося в с. Лада и с. Пятина было выяснено, что продотряды уже неоднократно посещали села и «накануне восстания на сельских сходах были вынесены постановления, если будут отбирать хлеб, не отдавать. Условным знаком должен служить удар набата, тогда все должны собраться и встать на защиту хлеба ... был план, что все соседние деревни и волости, вплоть до Пятины, ударят в набат и пойдут на выручку в Ладу, где будут отбирать хлеб»⁴³.

Интересным представляется факт участия Ладского совета и комбеда в сельских сходах и поддержка ими принятых решений. В восстании принимали участие председатель Саранской уездной земской управы Федяев, член уездной земской управы Сулейкин, уездный военный комиссар Назаров, председатель Ладского совета Бурмистров. Исследователями отмечается широкий размах выступления (ок. 2000 чел.) и выход его за рамки одного селения⁴⁴. В отчете Пензенского ГЧК о событиях крестьянского восстания в с. Лада и Пятинской волости отчетливо просматривается позиция крестьянства: «...На митинге, созванном приехавшими агитаторшами коммунистами некоторые личности стали натравливать крестьян на Советскую власть. Задавались провокационные вопросы, как-то: почему у власти евреи, которые стесняют нашу православную веру. Почему приказано запечатать все церкви и т. п. После митинга одним из граждан Косовым велась белоэсеровская агитация о том, что Советская власть отбирает хлеб у крестьян и снабжает им герман-

цев, при власти Керенского этого случиться не могло, т.к. все социалисты работали дружно против германцев. Благодаря большевикам мы теперь оторваны от хлебородных окраин и испытываем голод. Хлебная монополия – это грабеж. Дальше он задавал провокационные вопросы, почему Ленин приехал к нам из Германии и проч., и этим крайне возбудил толпу». В Пятинской волости восставшие выпустили воззвание: «Штаб 1-й Крестьянской армии стеснен в печати, но по мере сил он будет доставлять правильные сведения трудовому крестьянству, по слухам или большевистским газетам верить трудовому крестьянству нельзя... крестьяне большевиками обмануты, они не получили землю, ввергнуты в рабство и проч.»⁴⁵

Участники Ладско-Пятинского восстания содержались в тюрьме г. Саранска. Сохранился список от 20 марта 1919 г., опубликованный частично А. Кирдиным⁴⁶. В соответствии с ним тюрьма принимала арестованных крестьян-участников восстания в Ладе несколько раз. 15 ноября 1918 г. поступило восемь женщин: Василиса Ефимовна Луговая, Прасковья Ефимовна Луговая, Ирина Ивановна Шекина, Евдокия Васильевна Шекина, Ульяна Прокофьевна Шульгина, Фекла Михайловна Баушкина, Дарья Семеновна Бышова, Татьяна Алексеевна Федашова. Все они было размещены в камере № 2. 17 ноября в тюрьму был доставлен крестьянин деревни Большая Рожновка Григорий Иванович Золотницкий «за Ладское восстание» и ладские крестьяне Павел Скорликов, Михаил Бурмистров, Иван Ляпин, Григорий Шандыбин, Василий Гульчин, Владимир и Илья Алятины, Дмитрий Забродин, Никита Зубанов, 18 ноября – Тимофей и Ефим Шекины. 27 ноября были привезены арестованные в Ладе Павел Андреевич Плескушкин, Михаил Иванович Деревнин, Федор Григорьевич Шульпин, Антон Васильевич Агапов, 28 ноября – Никита Лугов, Алексей Косов, Петр и Степан Козловы, Василий Пешин, Алексей Лопудев. 6 января 1919 г. за участие в Ладском восстании в тюрьму доставлены Дмитрий Зяюликов и Илья Еремин.

График поступления крестьян-участников восстания в Ладе свидетельствует о том, что аресты начались сразу же после подавления восстания (первые поступления датированы 15 ноября 1918 г.), а завершились только в январе 1919 г., когда, по всей видимости, закончилось следствие. Всего в Саранской тюрьме содержалось 32 участника восстания, из них восемь женщин.

Параллельно в Саранскую тюрьму поступали крестьяне – участники Пятинского восстания: Павел Алексеевич Тюрин, Иван Никитич Уваров (камера № 1). Александр Кузьмич Сулакин из с. Пятина принят 17 ноября 1918 г., 18 ноября были доставлены Степан Костерин, Иван Зиканов, Иван Гордеев. 20 января 1919 г. из с. Ромоданова в тюрьму был этапирован Андрей Костерин. 22 января была доставлена наиболее многочисленная партия: восемь крестьян из д. Михайловка – Иван Васильевич Ушанов, Василий Архипович Зернов, Степан Андреевич Агапов,

Павел Ефимович Зернов, Николай Григорьевич Шубин, Николай Алексеевич Сулакин, Константин Филиппович Зернов, Алексей Иванович Макаров. Одновременно прибыли арестованные Иван Касицын, Алексей Матвеевич Троильников, Петр Кирпичников, Семен и Иван Троильниковы, Алексей Семенович Троильников, Иван Кирин, Алексей Тюрин. Максим Иванович Минеев и Николай Михайлович Давыдов – крестьяне с. Михайловка Протасовской волости – доставлены 11 февраля 1919 г. Всего же по делу Пятинского восстания в Саранской тюрьме находилось 25 человек.

Стоит отметить, что репрессивные меры достаточно часто затрагивали крестьянские семьи. Так, из семей Троильниковых и Шекиных отбывали тюремный срок 4 человека, Зерновых – 3, по двое были арестованы и посажены в семьях Сулакиных, Костеринных, Луговых, Алятиных, Козловых.

Говоря о причинах Ладско-Пятинского восстания, помимо объективных моментов, связанных с общей продовольственной политикой советской власти, стоит отметить субъективный фактор и охарактеризовать личность А.Я. Лусс, которой суждено было сыграть в событиях ноября 1918 г. одну из главных ролей.

Анна Яковлевна Лусс родилась в 1897 г. в Латвии. В партию большевиков вступила в 19 г. Участвовала в революции 1917 г. в Москве, позднее работала в ЦК РКП (б), газете «Известия ВЦИК», обучалась военному делу в Латышской секции. Летом 1918 г. она была направлена Московским комитетом РКП (б) и Наркоматом по военным делам в Пензенский губернский военкомат в качестве агитатора. На месте она становится уполномоченной губпродколлегии и откомандировывается во Владимирский продотряд. Вскоре она начинает играть в деятельности отряда основную роль. Не случайно в документах и свидетельствах очевидцев постоянно фигурируют термины «отряд Анны Лусс», «комиссар Анна Лусс», «по приказу Анны Лусс». Именно в эти месяцы достаточно ярко проявились ее характер и склонность принимать форсированные решения, попахивающие авантюризмом, что можно представить на примере случая в Наровчате в октябре 1918 г.

В ночь на 1 октября 1918 г. вооруженный отряд во главе с А.Я. Лусс и начальника отряда Пикерман, совершив марш из Троице-Сканового монастыря, где он был расквартирован, оккупировал Наровчат, захватил «все учреждения, телефон и телеграф», в полном составе была арестована УЧК. На переговоры с А.Я. Лусс прибыл представитель уездного совета, который потребовал разъяснить сложившуюся ситуацию. На заседании уисполкома 2 октября он доложил: «Я задал вопрос т-щам Пикерман и Лусс, на каком основании они, имеющие широкие полномочия по продовольственному вопросу, пользуются вооруженной силой не по назначению, внося в спокойствие города и уезда тревогу, создающую массу толков, что нарушает неуклонную борьбу во всех отраслях

нации Советской Республики». В ответ прозвучала грубость и отказ в объяснении действий отряда. Представителю совета удалось переломить ситуацию: опираясь на вооруженную силу, он заявил о контрреволюционном характере выступления. После часовых переговоров «отряд Пикермана и Лусс, сняв с постов свою охрану, вернулись в место своей стоянки». 2 октября 1918 г. по распоряжению председателя Наровчатского укома РКП (б) Р.П. Гришаева около часа дня А.Я. Лусс была арестована до расследования действий применения вооруженной силы, ни на чем не основанных. Р.П. Гришаев заявил, «что подобные действия не укрепляют революцию и Советскую власть, а умножают ряды контрреволюции, влекущие за собой серьезные осложнения революционной работы и замешательство в единую семью рабочих и крестьян... Таким лицам, как Лусс и Пикерман... опасно давать такие широкие полномочия». В ответ на арест А. Лусс Пикерман потребовал ее освобождения, угрожая применить оружие. Для переговоров с местными властями был отправлен представитель отряда Кедик, который просил освободить А.Я. Лусс как необходимого работника по проведению изъятий излишков хлеба. Он подчеркнул: «Если же испокон не выпустит товарища Лусс, я не знаю, что произойдет, и боюсь за последствия». После долгих прений Наровчатский исполком принял решение считать выступление под руководством А.Я. Лусс контрреволюционным и вносящим «замешательство в единых революционных рядах, создавая почву по городу и уезде всем врагам советской власти для использования случая». Исполком обратился в Пензенский губисполком и губком РКП (б) с просьбой произвести расследование и «навсегда пресечь преступное явление и использование полномочий на руку контрреволюции». А.Я. Лусс была освобождена из-под ареста на поруки с условием ее недопущения до руководства отрядом впредь до итогов расследования⁴⁷. Однако данные условия не были выполнены: уже через несколько дней она вновь вошла в состав руководства продотряда, и ее нетерпимость, взрывной характер, самоутверждение идей через беспощадное насилие в конечном счете способствовали возникновению противостояния в Ладе.

Подводя итог выступлению 1918 г., стоит отметить отчетливое присутствие единства интересов зажиточного крестьянства и бедноты, выступавших в это время единым фронтом в борьбе с властью. В волнениях в с. Гумны, с. Яковщина и Ладско-Пятинском крестьянском выступлении просматривается общность интересов всех слоев крестьян. Об этом свидетельствует хотя бы тот акт, что решения принимаются на сельских сходах, т.е. большинством крестьян, что противоречит их якобы кулацкому характеру. Движения происходят под лозунгами свободной торговли хлебом, прекращения насилия и грабительских реквизиций имущества на условиях безэквивалентного обмена.

Помимо общих черт, присущих всем движениям в 1918 г. в крае, существуют некоторые особенности, которые можно выделить внутри

периода. Если весной 1918 г. движения носят внутридеревенский характер, преобладают противоречия между крестьянами в рамках одной общины, масштабы насилия ограничиваются небольшим количеством жертв среди противоборствующих сторон, то с осени 1918 г. картина меняется. Выступления приобретают массовый характер, выходят за рамки одного селения; отмечаются большим количеством жертв и более жестким характером.

Примечания

¹ См.: Кабытов П.С., Кабытова Н.Н. В огне Гражданской войны. Самарская губерния в конце 1917–1920 гг. Самара, 1997; Кабытов П.С. Вторая русская революция: Борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара, 2002.

² См.: Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. М., 2002. С. 130.

³ Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. С. 112–113.

⁴ Научный архив НИИГН (далее НА НИИГН). И-129. Л. 62.

⁵ Там же. Л. 62.

⁶ Там же. Л. 73.

⁷ Там же. Л. 81.

⁸ Там же. Л. 63.

⁹ Умнов А. С. Гражданская война и среднее крестьянство (1918–1920 гг.). М.: Воениздат, 1959. С. 39; Гнутов М.А. 1918 год на родине Ленина. Саратов, 1987. С. 14.

¹⁰ НА НИИГН. И-129. Л.76.

¹¹ Там же. И-94. Л.13.

¹² Разинов В.К. В борьбе с контрреволюцией // За власть Советов: сб. воспом. Саранск. 1957. С. 70.

¹³ Советская Мордовия. 1967. 20 декабря.

¹⁴ НА НИИГН. И-129. Л. 80.

¹⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 34. Л. 58; Д. 26. Л. 61.

¹⁶ Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1961. Т. 2. С. 73; Дорожкин М.В. Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957. С.244.

¹⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.

¹⁸ ГАНО АФ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 47. Л. 369, 372, 380.

¹⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 16. Л. 1098; Д. 8. Л. 33,170.

²⁰ Пономарев А.Г., Исаев Н.П. Борьба за власть Советов в Темниковском уезде // Незабываемые годы. Саранск, 1967. С. 226.

²¹ Там же. С. 226–227.

²² Мордовия в период упрочнения Советской власти и гражданской войны. Саранск, 1959. С. 96.

²³ Сластухин Н. Паша // Живы в памяти народной. Саранск, 1980. С. 85.

²⁴ ВЧК уполномочена сообщить... Жуковский. М.: Кучково поле, 2004. С. 57.

²⁵ Пфафродт Г.И. Жизнь, отданная борьбе // Незабываемые годы. Саранск, 1967. С. 110.

²⁶ Левина А.П. Зарево над Яковщиной // Коммунист (Инсарский район). 1967. 8 июля. С. 4.

²⁷ Там же.

²⁸ Пфафродт Г.И. Указ. соч. С. 110.

²⁹ Левина А.П. Указ. соч.

³⁰ Там же.

³¹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 27. Л. 230 об.

³² Бестужев-Лада И.В. Свою счеты с жизнью. Записки футуролога о прошедшем и происходящем. М.: Алгоритм, 2004. С. 14–15.

³³ Мордовия в период упрочнения Советской власти и гражданской войны. Саранск, 1959. С. 134.

³⁴ Там же. С. 136.

³⁵ Там же.

³⁶ Бестужев-Лада И.В. Указ. соч. С. 114.

³⁷ Мордовия в период упрочнения Советской власти и гражданской войны. Саранск, 1959. С. 133.

³⁸ Щербинский Л.Ф. За власть Советов. Саранск, 1957. С. 58.

³⁹ Мордовия в период упрочнения Советской власти и гражданской войны. Саранск, 1959. С. 134.

⁴⁰ Там же. С. 135.

⁴¹ Там же. С. 137.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 134–135.

⁴⁴ Баркина Л. Тревожная осень 1918 // Странник. 1998. № 1. С. 211.

⁴⁵ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы: в 4 т. 1918–1922 гг. Т. 1. М., 1989. С. 307–309.

⁴⁶ Кирдин А. Кто кого победил? // Мордовия – 7 дней. 1997. 24–30 апреля.

⁴⁷ ЦГА РМ. Ф. Р – 37. Оп. 1. Д. 26. Л. 460–464.